

ТРАНСГРЕССИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ДЕФИНИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ОТРАСЛЕВОЙ АВТОНОМИИ

© 2018 г. А. С. Гамбарян*, Л. Г. Даллакян**

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

*E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com; **E-mail: lilit.dallakyan@rau.am

Поступила в редакцию 2.11.2017 г.

Статья посвящена исследованию актуальной проблематики юридической терминологии, в частности наметившейся в современном правовом поле тенденции межотраслевой трансгрессии законодательных терминов и дефиниций. Трансгрессия рассматривается как процесс преодоления границ между отраслевыми терминосистемами посредством “экспортирования” юридических терминов и дефиниций из одной отрасли в иные отрасли и институты права. Указанное явление рассматривается в его различных аспектах, в том числе преюдициональном, а также в свете проблем соблюдения принципа отраслевой автономии, имеющего существенное значение в данном процессе. В целях разносторонности и полноты исследования проведен анализ различных доктринальных подходов в отечественной и зарубежной науке по данной проблематике, а также рассматриваются проблемы правоприменительной практики на примере трансгрессии и автономии различных отраслей публичного и частного права.

Ключевые слова: трансгрессия юридической терминологии, терминосистема, дефиниция, отраслевая автономия, межотраслевые связи, “отрасль-донор”, “отрасль-реципиент”, преюдиция.

DOI: 10.31857/S013207690002203-5

Юридическая терминология — наиболее значимый компонент языка закона, от которого, в свою очередь, зависят качество и эффективность правового регулирования. Понятия, содержащиеся в текстах законов, материально выражены с помощью либо термина, либо дефиниции (от лат. *definitio* — определение), которая должна адекватно раскрывать содержание того или иного понятия (термина), определять его родовые и (или) видовые признаки, включать характеристики, данные в концентрированной и обобщающей форме¹. Процессы формирования и развития юридической терминологии всегда находились в центре внимания юридической науки, а в условиях современного правового развития назрела необходимость исследования проблематики юридической терминологии, исходя из

тенденции межотраслевой трансгрессии законодательных терминов и дефиниций.

Трансгрессия (от греч. *trans* — сквозь, через; *gress* — движение) — термин неклассической философии, буквально означающий “выход за пределы”². С точки зрения трансгрессивной концепции “трансгрессия” — такое явление, которое не имеет заранее определенного результата, так как она имманентно содержит в себе возможность положительного или отрицательного исхода³. В контексте данной статьи трансгрессия рассматривается как процесс преодоления границ между отраслевыми терминосистемами посредством “экспортирования” юридических терминов и дефиниций из одной отрасли в иные отрасли и институты

² См.: Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск, 2003. С. 1048.

³ См.: Фесенко Л.А., Рыгалов В.В. Проблемы взаимодействия культуры и политики в условиях трансгрессивного развития // Вестник ЮУрГУ. Сер. “Социально-гуманитарные науки”. Т. 13. 2013. № 1. С. 139.

¹ См.: Мамедов Е.Ф. Правовые термины, дефинитивные нормы и эффективность правового регулирования // Вестник Нижегородск. академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 299.

права. Ввиду того что данное явление, как это уже отмечалось, имеет двойственную природу, нами будут исследованы как положительные, так и его проблемные аспекты.

Сущность отраслевой трансгрессии юридических терминов (дефиниций). На основе изучения доктрины и правоприменительной практики можно выделить два основных аспекта (вида) межотраслевой трансгрессии.

Первый аспект — *межотраслевая преюдиция*, когда фактические обстоятельства, установленные в порядке административного или судебного производства в рамках одной отрасли права (“отрасль-донор”), механически, без какого-либо доказывания используются в рамках другой отрасли права (“отрасль-реципиент”).

Второй аспект, который будет подробно рассмотрен в данной статье — межотраслевая трансгрессия юридических терминов и дефиниций, когда законодательная дефиниция, сформулированная в одной отрасли права (“отрасль-донор”), либо используемое в рамках данной отрасли и воспринимаемое в определенном смысле какое-либо понятие распространяются и на иные отрасли права (“отрасль-реципиент”).

Преюдициальный аспект межотраслевой трансгрессии достаточно широко изучен юридической наукой, а также получил свое правовое регулирование в уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве. Так, согласно ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226. 9, 316 или 317.7 Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Схожее правовое регулирование предусмотрено и ГПК РФ⁴.

⁴ Согласно п. 3 ст. 61 ГПК РФ при рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом. В соответствии с п. 4 той же статьи вступивший в законную силу приговор суда по

Что касается такого аспекта межотраслевой трансгрессии, как трансгрессия юридических понятий и дефиниций, то в данном случае трансгрессия юридических терминов протекает в двух формах: она может быть как *эксплицитной*, когда термин в иной отрасли права приобретает новую дефиницию, так и *имплицитной*, при которой термин не получает новой дефиниции и функционирует в адаптирующей терминосистеме, подразумевая собою тот смысл, который был ему дан в другой, прежней терминосистеме (отрасли права). Именно в последнем и заключается определенная проблема, которая кроется не столько во взаимодействии терминов из других отраслей, сколько в том, что подобная трансгрессия зачастую предполагает механическое “экспортирование” дефиниций (т.е. определений, раскрывающих значение терминов), которое происходит без учета принципа отраслевой автономии. Отметим, что вопрос допустимости межотраслевой трансгрессии и определения ее границ следует рассматривать в свете отраслевой автономии.

Сущность принципа отраслевой автономии. Как отмечает Г.А. Гаджиев, описывая отраслевую автономию, “самое интересное — это обсуждение проблемы автономности права как реальности в реальности, одной из реальностей”⁵. Для правильного понимания сущности принципа отраслевой автономии важное методологическое значение имеет вопрос определения предмета, методов, в том числе средств правового регулирования данной отрасли права и стоящих перед нею задач. Согласно общепризнанному в теории права подходу каждая отрасль имеет свой предмет и метод регулирования, которые тесно связаны с задачами данной отрасли. Так, согласно С.С. Алексееву “все правовые средства, образующие отраслевой режим, объединены едиными регулятивными началами, где они функционируют в характерной именно для данного режима среде... Отсюда же следует, что первейшая задача отраслевых наук — точ-

уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам: имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

⁵ Гаджиев Г.А. *Онтология права (Критическое исследование юридического концепта действительности)*. М., 2016. С. 208.

ное выявление своеобразия соответствующих режимов, от чего во многом зависит эффективность разработки других проблем, действенная помощь практике”⁶.

Д.А. Керимов характеризовал отрасль права как объективно сложившуюся внутри единой системы права в виде ее обособленной части группу правовых институтов и норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения на основе определенных принципов и специфических методов, в силу этого приобретающих относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования⁷.

Соответственно, ввиду свойственной отраслям автономии трансгрессия термина из одной отрасли в другую может подразумевать концептуальное изменение содержания и смысла юридического термина. В подобных случаях в правовом поле формируется новая законодательная дефиниция, которая должна отражать специфику отрасли права и новые внутрисистемные отношения терминологической единицы. Если же на термин автоматически распространяется значение, которое придавалось ему в исходной отрасли права, то это является негативным проявлением трансгрессии и противоречит принципу отраслевой автономии, так как специфика каждой отрасли права предполагает возможность автономного толкования юридических терминов.

Сказанное не относится к возможному взаимовлиянию и “сотрудничеству” между отраслями права. Право представляет собой системное явление, его элементы тесно взаимосвязаны. Однако связи между отраслями не являются а priori тотальными. В каждом конкретном случае следует выяснить функциональную совместимость “отрасли-донора” и “отрасли-реципиента”, а также, соответствуют ли задачи, методы и средства правового регулирования “отрасли-донора” задачам, методам правового регулирования и средствам “отрасли-реципиента”. В противном случае подобная межотраслевая трансгрессия станет причиной ошибок в правоприменении.

К примеру, понятие “близкий родственник” в контексте института свидетельства раскрыто в п. 40 ст. 6 УПК РА, согласно которому таковыми являются родители, дети,

усыновители, усыновленные, полнородные и неполнородные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, а также супруг (супруга) и родители супруга (супруги), зять и невестка для последних. В ст. 63 ГПК РА закреплено, что лицо, участвующее в деле, не обязано давать показания против супруга (супруги) и близких родственников, однако в самом Кодексе не установлен круг близких родственников. По нашему мнению, трансгрессия термина “близкий родственник” и его дефиниции из уголовно-процессуального права в гражданский процесс не нарушает принципа отраслевой автономии, так как с точки зрения права лица не должны свидетельствовать против себя и близких родственников, задачи “отрасли-донора” и “отрасли-реципиента” являются единообразными.

Приведем обратный пример. Дефиниция термина “близкий родственник” содержится и в Семейном кодексе РА, согласно п. б) ст. 11 которого не допускается заключение брака между близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии – родителями и детьми, бабушкой, бабушкой и внуками, а также родными, имеющими общих отца или мать, братьями и сестрами, детьми сестры или брата матери и отца).

Как видим, круг близких родственников, установленных Семейным кодексом, не совпадает с кругом, установленным УПК. Согласно Семейному кодексу в контексте запрета на вступление друг с другом в брак близкими родственниками являются также двоюродные братья и сестры. Очевидно, что в указанном случае трансгрессия дефиниции термина “близкий родственник” из отрасли семейного права в отрасль гражданско-процессуального была бы недопустимой, так как в данном случае задачей отрасли семейного права является запрет брака между лицами, находящимися в близкой кровной родственной связи с точки зрения медицины и генетики. Данное правовое регулирование, обусловленное автономией отрасли семейного права, не применимо к задачам и правовому регулированию института свидетельства в гражданско-процессуальном праве.

Отраслевая автономия и трансгрессия юридических терминов в зарубежном праве и правовой доктрине. Авторы, изучающие концепцию отраслевой автономии, отмечают, что “уголовная юстиция становится концептуаль-

⁶ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 192.

⁷ См.: Керимов Д.А. Методология права. 2-е изд. М., 2001. С. 267.

но автономной в том смысле, что судья по уголовному делу независим от норм других отраслей законодательства при толковании тех или иных понятий. Он руководствуется не легальными определениями этих отраслей, а целями уголовного судопроизводства и обстоятельствами конкретного дела. Именно такая автономия рассматривается многими французскими и бельгийскими исследователями как ключевое проявление автономии уголовного права и процесса⁸.

В качестве примера из правоприменительной практики приводится знаковое постановление Кассационного суда Бельгии от 5 февраля 1985 г., в котором суд указал, что даже при разрешении гражданского иска в уголовном процессе судья по уголовному делу вправе выносить решение, основываясь на заимствованных из иных отраслей права концепциях, и при этом не обязан придавать им тот же смысл, которым они наделены применительно к этим отраслям. Позднее в другом решении тот же суд разъяснил, что уголовное право является автономным по отношению к иным отраслям права, и, соответственно, используемые в нем понятия не приобретают того же значения, что в гражданском и корпоративном праве⁹.

Соблюдение принципа отраслевой автономии в законодательной практике зачастую проявляется посредством закрепления в законах наряду с дефиницией оговорки «согласно смыслу данного закона». На необходимость применения подобных оговорок обращает внимание С.К. Магомедов: «Если значение используемого в нескольких отраслях законодательства одного и того же юридического термина разное, то для каждой отрасли законодательства следует давать его соответствующее определение с использованием формулы “в целях использования в настоящем законе либо правовом акте”»¹⁰. Данная законодательная оговорка является облаченным в нормативно-лексическую форму условием, которое частично изменяет прежнее содержание юридического термина и создает новый правовой режим его применения.

⁸ Михеенкова М.А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. 2013. № 8. С. 75.

⁹ См.: там же. С. 76.

¹⁰ Магомедов С.К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство // Журнал рос. права. 2004. № 3. С. 24, 26.

Как отмечают французские юристы, в частности Ж.-Л. Бержель, некоторые законодательства, прежде всего англо-саксонского типа, прибегают к общим дефинициям в начале каждого закона. В данном случае дефиниция выступает в роли указания на определенный смысл термина, используемого в тексте закона. Бержель указывает, что в англо-саксонских законах, как правило, существует вводная глава, посвященная дефинициям, начинающимся чаще всего с фразы: “В настоящем законе, даже когда из контекста вытекает иной смысл, следующие слова и выражения означают.... Так, ст. 1-201 единого Торгового кодекса США содержит 46 дефиниций соответствующих терминов. Значение каждого термина может устанавливаться произвольно и не должно привязываться ко всей юридической системе в целом”¹¹. Во французском праве случаи, когда в законе используются дефиниции подобного типа, более редки. Тем не менее около сотни дефиниций насчитывается в Гражданском кодексе и около 30 – в новом Гражданско-процессуальном кодексе. Огромное число дефиниций вошло в Уголовный кодекс и другие кодексы, а также в тексты специальных законов¹².

Отметим, что оговорка “согласно смыслу данного закона”, даже будучи не закрепленной в тексте напрямую, может действовать посредством применения правила *noscitur sociis* (от лат. – слово познается из его окружения), согласно которому смысл термина или выражения познается из контекста закона (который может принадлежать к той или иной отрасли права).

Это правило было использовано при вынесении решения по делу *Jarecki b. G.D. Searle Co*, когда Верховный суд США постановил, что изобретение лекарственных препаратов и приборов для фотографирования, несмотря на их новизну, не соответствует законодательному определению термина “открытие”, в котором понятие “открытие” используется в сочетании с терминами “изыскания” и “разведочные работы”. По мнению Верховного суда, исходя из контекста, под данным термином законодатель имел в виду коммерческую деятельность в нефтяной, газовой и горнодобывающей промышленности, а не развитие то-

¹¹ Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко / пер. с фр. М., 2000. С. 354.

¹² См.: там же. С. 344.

варов промышленного производства, включая лекарства и фотоаппараты¹³.

Сторонники соблюдения принципа отраслевой автономии при толковании юридической терминологии. Проблематика отраслевой автономии при трансгрессии юридических терминов затрагивается в научной юридической литературе в ряде работ. При этом некоторые авторы являются сторонниками автономного толкования юридических терминов, другие же современные авторы отрицают возможность различной интерпретации юридической терминологии с учетом отраслевой автономии.

Хотя М.А. Михеенкова в статье, посвященной принципу автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине, указывает на то, что «концепция отраслевой автономии практически чужда отечественной доктрине, за исключением упоминания отдельными авторами» (ссылаясь, в частности, на Л.В. Головки)¹⁴, однако заметим, что данная проблематика была затронута еще в советской юридической науке. Так, А.Ф. Черданцев, рассматривая вопрос различия легальных дефиниций, хотя и не использует напрямую формулировку «отраслевая автономия», но, по сути, исходит именно из данного постулата, отмечая неоднозначность юридических терминов, используемых в различных отраслях права: «Прежде чем использовать легальные определения одной отрасли (института) для интерпретации нормы другой отрасли (или института), следует установить, нет ли в этой отрасли иного легального определения, или с помощью приемов толкования выяснить, не употребляется ли этот термин в ином смысле»¹⁵.

Что же касается преюдициального аспекта отраслевой автономии, то данная проблема затрагивалась еще в дореволюционной литературе, в частности в труде М.Л. Духовского, посвященном русскому уголовному процессу. Он подробно описывает институт преюдиции в контексте отраслевой автономии, заключающейся в том, что судья по уголовному делу вправе, не принимая во внимание решения гражданского суда, разрешать по правилам уголовного судопроизводства все возникшие в деле вопросы гражданского права настолько,

насколько они обуславливают наказуемость деяния, применяя те доказательства, которые допускаются на суде уголовном. Подобное отрицание межотраслевой преюдиции обуславливалось тем, что немыслимо связывать решения уголовного суда решениями гражданского, так как суд гражданский выясняет лишь формальную истину, раскрытую настолько, насколько она выяснилась деятельностью сторон. Между тем уголовный суд должен обуславливать свои решения только такими обстоятельствами, которые действительно имели место, так как в его задачи входит установление материальной истины¹⁶. Будучи сам не согласным с подобной преюдициальной автономией, М.В. Духовской отмечает, что данным подходом руководствовались составители австрийских и германских кодексов, а также многие представители уголовной науки.

Возвращаясь к юридической терминологии, отметим, что схожие с А.Ф. Черданцевым мысли выражены в целом ряде работ современных авторов. Т.В. Губаева полагает, что «в различных отраслях права один и тот же термин может обозначать несовпадающие понятия.., и если значение юридического понятия, употребляемого в разных отраслях правового регулирования не совпадает по смыслу, то в каждой отрасли следует давать его самостоятельное определение»¹⁷.

Данной позиции придерживаются также А.С. Поляков и Е.В. Тимошина, которые напрямую указывают на нежелательность межотраслевой трансгрессии юридических терминов: «Значение термина, установленного законодателем для конкретной отрасли права, нельзя без достаточных оснований распространять на другие отрасли»¹⁸.

Не склоняется к терминологической унификации правовых дефиниций и терминологического однообразия и Н.Г. Леоненко, который в своем пособии по законодательной технике выделяет разновидность терминов, обслуживающих отдельную отрасль права, отличительной чертой которых является то, что они отражают специфику конкретной сферы правовых отношений и

¹⁶ См.: Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 175, 176.

¹⁷ Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2003. С. 133.

¹⁸ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учеб. СПб., 2005. С. 422.

¹³ См.: Правовая система США. Вып. 3. М., 2006. С. 133.

¹⁴ См.: Михеенкова М.А. Указ. соч. С. 75.

¹⁵ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 168.

“замкнуты” последней¹⁹. Тем самым автор признает наличие самостоятельного отраслевого терминологического поля, формирующегося с учетом принципа отраслевой автономии.

В армянской юридической науке также затрагивался вопрос отраслевой автономии относительно толкования юридических терминов. При анализе соотношения содержащегося в УПК РА термина “вина” с такими понятиями, как “признание вины” и “согласие с выдвинутым обвинением”, авторы А. Гамбарян и Т. Погосян упоминают о правомерности применения принципа отраслевой автономии при толковании одних и тех же терминов, используемых в иных отраслях права²⁰.

Таким образом, вышеуказанные авторы склоняются к концепции отраслевой автономии, согласно которой термины и понятия, используемые в одной отрасли права, не могут автоматически распространяться в том же значении и на иные отрасли права.

Сторонники общеправовой унификации юридической терминологии. Необходимо отметить, что, тем не менее, целый ряд современных авторов отрицает возможность различной интерпретации юридической терминологии с учетом отраслевой автономии. В.Д. Чухвичев исходит из концепции *терминологического однообразия*, настаивая на том, что одним из важнейших условий эффективности законодательного регулирования является единообразие используемой в законотворчестве терминологии²¹. Автор весьма категоричен в данном вопросе. Более того, настаивая на своей позиции, В.Д. Чухвичев отмечает, что “нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что терминология различных отраслей права может отличаться. Такие отличия десистематизируют законодательство, препятствуют складыванию в сознании адресата правового регулирования единой модели поведения..., не дают отраслям права полноценно взаимодействовать между собой”²². Автор последовательно отстаивает требование об унифицированности законодательных форму-

лировок, указывая: “Термин, однажды использованный в нормативном правовом акте, становится единым для всего законодательства... Терминология едина для всей системы законодательства...”²³.

Схожей позиции придерживается и Д.С. Дудырин, указывая на недопустимость существования в рамках правовой системы различных дефиниций одного понятия и призывая придерживаться так называемого принципа “одно понятие – одно определение”. Автор настаивает на том, что “по своей сути дефиниция должна обеспечивать единообразное понимание норм права не только конкретного акта, *но и всего законодательства в целом*” (курсив наш. – Авт.)²⁴.

М.Б. Кострова, так же, как и В.Д. Чухвичев, отмечает необходимость трансотраслевой унификации дефинитивного содержания системы российского законодательства, делая акцент на необходимости междисциплинарной гармонизации практики конструирования и имплементации дефиниций²⁵.

Таким образом, указанные авторы, по сути, склоняются к унификации правовых дефиниций в масштабах всего законодательного поля и созданию тем самым единой терминологии, формулировок и унифицированного правового языка. Однако очевидно, что терминологическое однообразие в столь категоричной форме, за которое ратуют указанные авторы, является невозможным хотя бы ввиду наличия в правовом поле большого количества многозначных терминов. К примеру, термин “залог” в гражданском праве понимается как один из способов обеспечения обязательств, а в уголовно-процессуальном праве – как одна из мер пресечения.

Автономия международного права в свете трансгрессии юридических терминов. Большинство юридических терминов, используемых в международном праве, имеют автономное значение и не зависят от понимания тех же или схожих терминов во внутригосударственном праве. Подобный подход не случаен и обоснован, иначе государства могли бы об-

¹⁹ См.: Леоненко Н.Г. Законодательная техника: учеб. пособие. Новосибирск, 2015. С. 105.

²⁰ См.: Гамбарян А., Погосян Т. Ускоренное судебное производство в уголовном процессе РА. Ереван, 2008. С. 29 (на армян. яз.).

²¹ См.: Чухвичев В.Д. Законодательная техника: учеб. пособие. Ашхабад, 2011. С. 52.

²² Там же. С. 163, 164.

²³ Там же. С. 165, 268.

²⁴ См.: Дудырин Д.С. Требования к правовой дефиниции [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2015/06/dudyrind.pdf> (дата обращения: 16.09.2017).

²⁵ См.: Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал рос. права. 2003. № 12. С. 88.

ходить международно-правовые требования за счет изменения собственного законодательства таким образом, чтоб используемые в национальном праве понятия буквально не совпадали с понятиями, содержащимися в конвенционном тексте.

Первое определение “автономного понятия” было дано еще в 1968 г. Европейской комиссией по правам человека, которая указала, что конвенционные термины “уголовное обвинение” и “гражданские права и обязанности” не могут истолковываться в зависимости от определения их во внутригосударственном законодательстве государств-участников, но должны являться автономными понятиями, толкуемыми независимо²⁶. Дальнейшее развитие теория “автономных понятий” получила в практике ЕСПЧ, начало которой положило дело “Энгель против Нидерландов” от 8 июня 1976 г., касающееся толкования понятия “уголовное наказание” по смыслу Европейской конвенции.

Истцы обратились с жалобой в Европейский Суд на основании того, что их права были нарушены при назначении наказаний за военные правонарушения, судопроизводство в военных судах не соответствовало требованиям п. 1 ст. 6 Конвенции, которые должны соблюдаться при предъявлении уголовного обвинения. Дилемма состояла в том, что согласно внутригосударственному законодательству Нидерландов военные наказания относятся к числу дисциплинарных, а не уголовных наказаний, соответственно, ст. 6 Конвенции к ним применяться не должна.

Однако ЕСПЧ указал, что государства-участники могут квалифицировать по своему усмотрению правонарушения как дисциплинарные проступки для того, чтобы избежать применения гарантий ст. 6 Конвенции. Соответственно, ЕСПЧ постановил, что уголовное обвинение в том смысле, которое ему придает Европейский Суд, не обязательно является тождественным “уголовному обвинению государства-участника”. Следовательно, гарантии, предоставленные ст. 6 Конвенции, должны распространяться и на истцов г-на Де Вита, г-на Дона и г-на Шула, “обвинения” против которых по сути подпадают под “уголовную”

сферу, поскольку вели к назначению серьезного наказания в виде лишения свободы²⁷.

С тех пор база автономных понятий, выработанных ЕСПЧ, пополнилась целым рядом понятий, среди которых: “жилище” (согласно смыслу ст. 8 Конвенции), “жертва” (согласно смыслу ст. 34 Конвенции), “суд” (согласно смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции), “имущество” (согласно смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции), “уголовное обвинение” (согласно смыслу п. 1 и 2 ст. 6 Конвенции) и др.²⁸, которые должны использоваться в приоритетном отношении к внутригосударственному законодательству. Соответственно, государствам-участникам необходимо учитывать содержание и смысл автономных понятий, которые выработаны ЕСПЧ, при осуществлении законотворческой деятельности и правоприменительной практики.

Автономия конституционного права и трансгрессия юридических терминов. Терминология, используемая в конституционном праве, имеет важное значение для остальных отраслей права, текущей правотворческой и правоприменительной деятельности. Трансгрессия конституционных терминов предполагает распространение юридически значимых смыслов в другие отрасли права. Однако содержащиеся в конституционном праве многоаспектные понятия и термины могут получить различное по объему и характеру содержание в иных отраслях права. Г.А. Гаджиев в связи с этим задается вопросом, является ли конституционное право предельно автономной отраслью права с самостоятельной системой юридических понятий, проникнутых внутриотраслевой логикой, или же у него должны быть интенсивные межотраслевые связи²⁹. По нашему мнению, конституционное право может выступать как “отрасль-донор” для иных отраслей, однако последние не являются (per se) донорами конституционного права. Автономия конституционного права заключается в том, что интерпретаторы терминов и понятий, используемых в Консти-

²⁷ См.: Engel and Others v. the Netherlands. 1976. 8 June. Series A no. 22. P. 81, 85.

²⁸ См.: Кононов И.С. Автономные понятия Европейского Суда и их значение для уголовного права России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. “Экономика и право”. 2012. № 3. С. 82.

²⁹ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права (Критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2016. С. 207, 208.

²⁶ См.: Judgment of the European Commission of Human Rights “Twenty One Detained Persons v. Germany” of 6 April 1968 // HUDOC Database

туции, не ограничены той трактовкой и смыслом данных терминов, который придается им в других отраслях права.

Рассмотрим автономию (от отраслевого законодательства) термина “показание”, содержащегося в норме Конституции РА, закрепляющей право не давать показаний против себя. Если толковать термины “показание” в смысле принятом в процессуальных отраслях, то данное право существенно ограничивается, так как в процессуальном праве термины “показания”, “объяснения” и “опрос” являются раздельными понятиями, отличаясь друг от друга процессуальной формой, целью и рядом других признаков. В то же время автономия конституционного права требует, чтобы используемый в Конституции термин получил толкование, которое вытекает из сущности данного права, вне зависимости от того, как раскрывается значение данного термина в отраслевом законодательстве.

В юридической науке были выражены практически тождественные подходы к применению конституционной нормы, устанавливающей освобождение от обязанности свидетельствовать против себя. П.А. Липинская отмечает, что недопустимо брать объяснения с лица, в отношении действий которого поступило заявление, сообщение, так как это нарушает ст. 51 Конституции РФ³⁰ (аналогично ст. 65 Конституции РА). В.М. Савицкий и А.М. Ларин в этом отношении отмечают, что словосочетание “не обязан свидетельствовать” означает, что лицо имеет право молчать вне зависимости от того, в какой форме от него требуется дача показаний — посредством допроса в качестве свидетеля, подозреваемого, потерпевшего, обвиняемого, или при даче неформального объяснения³¹.

Нельзя не согласиться с тем, что лицо не обязано свидетельствовать против себя вне зависимости от того, допрос ли это, получение объяснений или опрос. Соответственно, конституционное толкование наличествующей в ст. 65 Конституции РА формулировки не должно ограничивать применение конституционного принципа не свидетельствовать

против себя таким образом, чтобы распространять его действие в процессуальном праве только в отношении показаний.

Автономия отраслей публичного и частного права и трансгрессия юридических терминов. Автономия юридических понятий, используемых в отраслях публичного и частного права, будет представлена на примере различных подходов к пониманию термина “юридическое лицо”. В Гражданском кодексе РА юридическое лицо рассматривается отдельно от государства и муниципалитета, т.е. в качестве отдельного субъекта права. К примеру, согласно ст. 128 ГК РА Республика Армения и муниципалитеты выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством и иными правовыми актами, на равных основаниях с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами.

В то же время в публичном праве юридическим лицом считаются также и государство (государственный орган), и органы местного самоуправления. Так, согласно ч. 2 ст. 180 Конституции РА в редакции 2015 г. муниципалитеты являются юридическими лицами публичного права. Кроме того, в ч. 1 ст. 1 Закона РА “О Центральном банке” установлено, что “Центральный банк Республики Армения является *юридическим лицом, наделенным государственными функциями* (курсив наш. — Авт.), единственным учредителем которого является Республика Армения”. Таким образом, армянским законодателем было зафиксировано придание государственному органу статуса юридического лица — и не просто юридического лица, а наделенного государственными функциями, т.е. юридического лица публичного права.

Разделение понятий юридического лица частного и публичного права имеет практическое значение. Так, согласно ч. 5 ст. 59 УПК РА потерпевшим может быть признано юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный вред или материальный ущерб. В соответствии с ч. 1 ст. 60 гражданским истцом признается предъявившее при производстве по уголовному делу иск физическое или юридическое лицо. Ответ на то, может ли государство выступить в уголовном процессе как потерпевшее лицо либо гражданский истец, зависит от того, как будет трактоваться термин “юридическое лицо”. Если термин “юридическое лицо” будет трак-

³⁰ См.: Липинская П.А. Основания и порядок решения вопросов о недопустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных: науч.-практ. пособие. Варшава, 1998. С. 115, 116.

³¹ См.: Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс. Словарь-справочник. М., 1999. С. 156.

товаться в гражданско-правовом смысле, то государственный орган не может выступать потерпевшим лицом или гражданским истцом, так как в гражданском праве, как было отмечено выше, государственный орган и юридическое лицо являются отдельными субъектами права. В то же время, если рассматривать этот вопрос в плоскости “юридического лица публичного права”, государственный орган может выступить в качестве потерпевшего лица и гражданского истца.

Автономия материальных и процессуальных отраслей права и трансгрессия юридических терминов. Для наглядного примера автономии одноименных юридических терминов в отраслях материального и процессуального права обратимся к толкованию термина “жилище” в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Так, согласно ст. 6 УПК РА жилищем является помещение или строение, постоянно или временно используемое для проживания определенных лица или лиц, в том числе: собственная или арендованная квартира, садовый дом, гостиничный номер, каюта, купе; соответственно, непосредственно примыкающие к ним веранды, террасы, мансарды, балконы, места общего пользования и т.д. Понятие “жилище” включает в себя также частный автомобиль, речное или морское судно, личные служебные кабинет и автомобиль, персональную художественную мастерскую.

Понятие “жилище” используется также в уголовном праве, например в таком составе преступления, как совершение кражи из жилища. Очевидно, что понятие “жилище” используется в данных отраслях материального и процессуального права автономно, исходя из особенностей предмета регулирования данных отраслей. Хотя автомобиль с уголовно-процессуальной точки зрения является жилищем, однако с точки зрения уголовного права кража совершенная из автомобиля, не может квалифицироваться как кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище (за исключением тех случаев, когда автомобиль служит одновременно местом проживания).

На данный момент в судебной практике РА активно обсуждается вопрос допустимости применения в уголовно-процессуальных правоотношениях понятия “публичный служащий”, используемого в административном праве. Так, согласно ч. 1 ст. 152 УПК РА прокурор, а также (с согласия прокурора) “ор-

ган дознания и следователь вправе временно прекратить занятие должности являющимися публичными служащими (курсив наш. — Авт.) подозреваемым или обвиняемым, если имеются достаточные основания полагать, что, оставаясь в должности, они будут препятствовать расследованию дела при досудебном производстве или его рассмотрению в суде, возмещению причиненного преступлением вреда или будут заниматься преступной деятельностью”.

В ст. 3 и 4 Закона РА “О публичной службе” определено понятие “публичная служба” и установлен перечень должностей публичной и государственной службы. Согласно смыслу Закона “О публичной службе” директор государственного некоммерческого учреждения *не является публичным служащим*, в то время как в судебной практике вопрос о том, можно ли применить в отношении директора государственного некоммерческого учреждения меру принуждения, предусмотренную ст. 152 УПК РА, является дискуссионным. Так, суды Армении отменяют постановление прокурора о временном приостановлении полномочий директора государственного некоммерческого учреждения на том основании, что последний не является публичным служащим, данная же мера принуждения согласно ст. 152 УПК РА применяется в отношении публичных служащих.

По нашему мнению, подобное судебное толкование понятия “публичный служащий” содержит в себе серьезную методологическую ошибку, так как судьи пытаются механически распространить законодательное определение публичного служащего, установленное в Законе РА “О публичной службе”, на уголовно-процессуальную сферу. Данный подход подрывает установленное в теории права требование, согласно которому каждая отрасль права регулирует общественные отношения свойственными ей особыми методами, исходя из поставленных перед нею задач.

Автономия отраслей процессуального права и преюдициальный аспект межотраслевой трансгрессии. Факт признания лица умершим в гражданско-процессуальном порядке сам по себе не имеет обязательного или преюдициального значения в уголовно-процессуальном праве. Пунктом 1.1. ст. 35 УПК РА установлено, что п. 10 ч. 1 ст. 35 не распространяется на случаи признания лица умершим в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом РА. По ГПК РА признание лица умершим яв-

ляется основанием для прекращения уголовного преследования в отношении лица и прекращения уголовного дела только по решению Генерального прокурора РА.

По нашему мнению, законодатель продемонстрировал правильный подход, установив, что факт признания лица умершим в рамках гражданского процесса не может сам по себе (*per se*) порождать уголовно-процессуальных последствий, т.е. прекращения уголовного преследования. Данный подход вытекает из принципа автономии отраслей гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права. Признание лица умершим в гражданско-процессуальном праве является видом фикции, которая разрешает вопросы, связанные с обеспечением определенности в вопросах гражданского оборота имущества (имущественных прав), в то время как задачи уголовного преследования принципиально иные и не касаются непосредственно обеспечения определенности имущественных отношений участников гражданско-правовых отношений. Соответственно, гражданско-правовая фикция признания лица умершим не может сама по себе иметь уголовно-процессуального значения и считаться основанием для прекращения уголовного преследования.

Остается непонятным, почему законодатель сделал оговорку о признании лица умершим согласно порядку, установленному ГПК РА, и является основанием для прекращения уголовного преследования по решению Генерального прокурора РА. Статус лица, принимающего решение о прекращении уголовного преследования, не может влиять на содержание принципа автономии отраслей права и оправдывать возможность прекращения уголовного преследования на основании гражданско-процессуальной фикции.

Заключение. Как показывает исследованная нами отечественная и зарубежная доктрина, а также законодательная и правоприменительная практика, в связи с развитием межотраслевых связей в правовом поле происходит процесс распространения (трансгрессии) юридически значимых смыслов и терминов из одних отраслей (“отраслей-доноров”) на другие отрасли права (“отрасли-реципиенты”). При этом трансгрессия юридического термина из одной отрасли в другую может подразумевать концептуальное изменение содержания и смысла юридического термина.

Соответственно, при межотраслевой трансгрессии законодательных терминов и понятий, установленных в рамках определенной отрасли права, необходимо соблюдать *принцип отраслевой автономии* и не распространять автоматически и без достаточных оснований содержание термина в том же значении на иные отрасли права, так как специфика каждой отрасли ввиду свойственных ей задач, целей и методов регулирования предполагает возможность автономного толкования юридических терминов.

К сожалению, на постсоветском пространстве нюансы отраслевой автономии должным образом не освещаются в теории толкования права и законодательной техники, процессуальном праве, а также в преподавательской деятельности, в результате чего в правовом поле появляются законодательные и правоприменительные акты, которые существенным образом нарушают допустимые границы взаимного влияния друг на друга различных отраслей права ввиду несоблюдения в процессе межотраслевой трансгрессии принципа отраслевой автономии. Подобные проблемы правового регулирования неизбежно влияют на эффективность действия правовой системы в целом.

TRANSGRESSION OF LEGISLATIVE TERMS AND DEFINITIONS IN THE CONTEXT OF THE AUTONOMY OF THE BRANCH OF LAW

© 2018 A. S. Gambaryan*, L. G. Dallakyan**

Russian-Armenian (Slavonic) University, Erevan

*E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com; ** E-mail: lilit.dallakyan@rau.am

Received 02.11.2017

This scientific article is devoted to the study of the actual problems of legal terminology, proceeding from the trend of the interbranch transgression of legislative terms and definitions in the modern legal field. The transgression is considered by the authors as a process of bridging the boundaries between terminology systems of law branch by "exporting" legal terms and definitions from one law branch to other branches and institutions of law. This phenomenon is considered in its various aspects, including prejudicial, and also in the context of problems of observing the principle of law's branch autonomy, which is great importance in this process.

For versatility and completeness of the research, the authors analyzed various doctrinal approaches in domestic and foreign science on this subject, and also considered the problems of law enforcement practice on the example of transgression and autonomy of various branches of public and private law.

Key words: transgression of law terms, terminology system, definition, law's branch autonomy, interbranch relations, "donor-branch of law", "recipient-branch of law", prejudice.